

СУВЕРЕНИТЕТ КАК ИСТОЧНИК НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА

Оль П.А.¹

Ключевые слова: государство, власть, закон, нация, народ, национальная правовая система.

Аннотация

Цель работы: определить сущность феномена «суверенитет», формы ее проявления и раскрыть особенности причинно-следственной связи суверенитета и национальной правовой системы.

Методологическая основа исследования: исторический анализ, сравнение теоретико-правовых концепций и формально-юридических источников государственного права.

Результаты исследования: сущность суверенитета раскрывается как переход множества частных интересов (волевого множества) в качество единой публичной воли, проявление которой рассматривается сегодня по аналогии с юридической дееспособностью. В статье констатируется, что такая обусловленная публичным волевым единством дееспособность проявляется в нормативных властных предписаниях, что отражает внутреннее проявление сущности суверенитета. В этом смысле суверенитет предстает как источник формирования высшей нормы, или как закон, выражающий высшую волю — единичную (монархическую), особенную (классовую), либо всеобщую (национальную). В свою очередь основанное на законе всеобщее волевое единство представляет собой нацию. Национальные культурно-исторические особенности обуславливают уникальность правосознания и системы формально юридических источников. В этом соотношении явлений в статье раскрывается причинно-следственная связь между суверенитетом и национальной правовой системой, которая является нормативным способом существования суверенной власти.

Новизна исследования: феномен суверенитета исследуется в контексте вопроса об источниках права. При этом национальный суверенитет представляется как частное проявление, как форма суверенитета, которая неразрывно связана с культурно-историческим содержанием. В этой связи национальный суверенитет рассматривается как явление, которое с объективной неотвратимостью влечет образование национальной правовой системы.

EDN: YDPPNM

Введение

В отечественной юридической доктрине термин «источник права» является широко употребляемым. Несмотря на высказывающиеся порой мнения скептиков о несостоятельности этого термина [1], он, безусловно, сохраняет своё важное методологическое значение при исследовании правовых явлений [2]. К данной проблематике постоянно проявляется научный интерес. Причём в учебной литературе ещё с советского периода сложился устойчивый концептуальный подход, предполагающий отождествление терминов «источник права» и «форма права». Но изначально существовало понимание смыслового разграничения в содержании термина «источник права»². Сегодня усматривается явная

тенденция широкого теоретического разграничения и расхождения соответствующих термину «источник права» понятий. При этом сам формальный источник (форма права) рассматривается неоднозначно. Когда идет речь о форме права, часто имеется в виду результат правотворчества — особым способом закреплённые правовые нормы, изложенные текстуальным способом. То есть это некая особая форма официального документа с соответствующим нормативным смысловым содержанием, названием, реквизитами, структурой и т. д. Но при этом речь фактически ведётся о способе формирования или о механизме возникновения правовой нормы. Возникает она путем властного санкционирования обычая, возникшего прецедента, соглашения сторон или рационального конструирования (нормативный волевой акт). То есть речь идёт о том, как именно социальная норма (образ возможного и

² Кечежян С.Ф. Источники советского социалистического права // Теория государства и права. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1949. С. 363.

¹ Оль Павел Андреевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры правоведения Северо-Западного института управления РАНХ и ГС при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: opsrb@mail.ru

необходимого поведения) становится публичной и обязательной, становится властным предписанием. Кроме того, термин «источник права» рассматривается в двух смысловых значениях, предполагающих разную причинно-следственную связь явлений относительно юридической формы. Если мы используем термин «источник права», то всегда имеется в виду один из двух вариантов смыслового значения.

Первый вариант подразумевает, что позитивное право как нормативная форма само является официальным источником информации, содержит сведения и данные о субъективных правах и обязанностях. Это необходимо для осуществления юридической деятельности. Правовая форма, таким образом, становится формально-юридическим источником, который характеризуется универсальностью, точной определённой. Такая формализация позволяет при уяснении и разъяснении избежать неопределённости, неоднозначности смыслового значения, которое изначально вкладывалось субъектом правотворческой деятельности. К этой юридической форме как к источнику обращаются юристы, и она является некой первоосновой для толкования права [3, с. 38]. При этом юридическая нормативная форма рассматривается как источник субъективных прав и обязанностей.

Второй вариант предполагает некий исток права как причину его формирования. В таком понимании смысловое значение термина «источник права» имеет весьма распространительный (расширительный) характер при толковании. Но всё-таки представляется, что если не выходить за рамки предмета юриспруденции, то основным таким источником, первоисточником позитивного права является суверенная воля — государя, народа, нации. Суверенитет выступает прямым источником права, причиной, с неотвратимостью порождающей следствие. Именно эта причинно-следственная волевая связь составляет предметную область нашего исследования.

Суверенитет и позитивное право: причинно-следственная связь

Термин «суверенитет» происходит от латинского слова *superanus*, перешедшего в старофранцузское *sovereins*, «верховный»³. Идея суверенитета формировалась как реакция на феодальную раздробленность для политического и юридического обоснования абсолютной государственной власти монарха (сюзерена). Власть эта рассматривалась как верховная, единая и не ограниченная никаким положительным правом.

Некоторые современные исследователи усматривают первые философские суждения о суверенитете ещё в трудах Марсилиа Падуанского [4],

но оформление концепции государственного суверенитета как некоего практически направленного учения традиционно связывается с именем Н. Макиавелли. В своем труде «Государь», исходя из понимания необходимости преодоления политической раздробленности итальянских земель, мыслитель предлагал комплекс идей удержания и объединения территорий под верховной властью правителя. В качестве высшего политического интереса рассматривался «интерес государства» (франц. *raison d'état*), которому должны быть подчинены все остальные интересы. В трудах Макиавелли не проводится принципиального разграничения между властными полномочиями государя и государства. Государь наделяется верховной властью и, по сути, олицетворяет эту власть⁴. Считается, что сам термин «суверенитет» впервые, или, по крайней мере, одним из первых в концептуальном ключе стал использоваться французским философом и юристом Жаном Боденом. Именно он впервые и сформулировал ставшее классическим определение суверенитета как «постоянной и абсолютной власти государства»⁵. Так же как и Макиавелли, Боден связывал сам суверенитет с его носителем (субъектом) — монархом-сувереном, отождествляемым с государством. При этом надо понимать, что абсолютная суверенная власть в трудах мыслителей никогда не отождествлялась с произволом и вседозволенностью монархов. Она понималась как возможность в целях всеобщего существования не только монарха, но и подданных — народа и знати.

Очевидно, что суверенная воля монарха как высшая индивидуальная власть выражается в волевых решениях — властных предписаниях, которые могут иметь как индивидуальную направленность, так и всеобщую, распространяясь на всех подданных. Властные предписания представляли собой также и юридическую письменную форму изложения универсального правила, которое оглашалось и которому следовало подчиняться как суверенной воле. Но эта письменно сформулированная сувереном норма является, по сути, лишь применением и интерпретацией понятных в обществе обычаев и традиций, она соответствует тем нравам, по которым живут подданные, на основании которых разрешаются хозяйственные споры, преодолеваются социальные конфликты. Суверен, чья легитимность основана на обычаях и религиозной традиции, сам не в силах изменить их как волю предков и Бога. Но при этом суверенная воля государя проявляется также в легитимации и придании государственного значения обычаям, что выражается в их обобщении, упорядочении, сведении в единые источники, на основе которых, в частности, осуществлялось правосудие, разрешались споры между подданными. Гарантией их соблюдения являлась суверенная

³ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб. : Н.Г. Мартынов, 1908. С. 326—327.

⁴ Макиавелли Н. Государь. М. : ЭКСМО-Пресс, 1998. С. 49—122.

⁵ Цит. по: Левин И.Д. Суверенитет. М. : Юрид. изд-во, 1948. С. 11.

государственная власть как возможность принуждения. Поэтому в целом государственный суверенитет характеризуется своей юридической внутренней волевой самодостаточностью.

Концептуальное оформление и теоретическое разъяснение идея государственного суверенитета получила в философско-правовом учении Г. Гегеля. Суверенитет, констатирует мыслитель, «*существует* только как уверенная в самой себе *субъективность* и как абстрактное и тем самым не имеющее *основания самоопределение* воли, от которого зависит окончательное решение. Это — индивидуальное в государстве как таковое, и само государство лишь в этом индивидуальном есть *одно*». Гегель указывает на наличие двух сторон суверенитета — внутренней и внешней. Внутреннее выражение суверенитета как верховной власти заключается в единстве всех властей в государстве. Внешнее же его проявление заключается в волевой самостоятельности при межгосударственном общении. В этой связи Гегель отмечал, что «в прежней *феодалной монархии* государство было суверенно вовне, но внутри не только монарх, но и государство не было суверенно»⁶. Таким образом, суверенитет, по сути своей, — это субъектность, которая рассматривается как внутреннее единство и внешняя автономная волевая самостоятельность. Гегелевская концепция суверенитета — это обобщающая теоретическая конструкция *абсолютного* суверенитета, в которой раскрываются общие принципы и сущность явления как такового, в идеале. В современных интерпретациях суверенитет, по сути, приравнивается к категории «дееспособность», которая может быть полной, ограниченной, отраслевой [5]. В юридическом значении эта дееспособность как высшая публичная воля проявляется не только в индивидуальных, но еще и в нормативных властных предписаниях. Такое отношение публичной воли и нормы представляет собой объективную причинно-следственную связь суверенитета и позитивного права. При этом внешним юридическим выражением суверенитета является международная договороспособность. Поэтому согласимся также и с тем, что «международная правосубъектность равнозначна суверенитету...»⁷, то есть является его внешним проявлением [6, 7].

Воля народа и правообразующая роль нации в контексте концепций суверенитета

В эпоху Возрождения и особенно в Новое время сообразно гуманистическому мировоззрению концепция суверенитета связывается с народом, который рассматривается как множество человеческих индивидуальных интересов. В представлении

Ж.-Ж. Руссо суверенитет — воля народа. Государственный суверенитет, предполагающий институты публичной власти, фактически становится следствием этой воли. Как «общая воля» народа народный суверенитет предполагает: неотчуждаемость, неделимость, верховенство. При этом «суверен может действовать, лишь когда народ в собрании», народ «свободен только во время выборов членов парламента; как только они выбраны, он становится рабом, он — ничто»⁸. Таким образом, в концепции Ж.-Ж. Руссо особое значение представляет идея о коллективном волевом единстве, формирующем публичную политическую власть. Вместе с тем сама власть становится самостоятельной государственной суверенной волей, которая впоследствии не отражает в полной мере интересы (жизненно важные потребности) народа. Она становится самостоятельной как государственная суверенность.

Известная с древних времен идея волевого коллективного (всеобщего) единства при принятии решений, очевидно, стала актуальной для Нового времени и имела идеологическое значение в связи с революционным, буржуазным движением. Значение эта концепция имеет и в контексте идеологического обоснования политических интересов как демократическое воззрение. Под народным суверенитетом понимается верховенство и полновластие народа в общественной жизни⁹. Исходя из данной трактовки, в юридической науке выводится положение о правосубъектности народа. Так, по мнению Б.В. Щетинина, народ не может не быть субъектом государственного права, в противном случае он не смог бы реализовать свой суверенитет¹⁰. В современных исследованиях рассматриваются формы территориальной субъектности народа [8].

Обращаясь к историческим истокам вопроса, отметим, что идеи Ж.-Ж. Руссо о народном суверенитете явно повлияли на якобинскую революционную идеологию Франции во второй половине XIX в. В Декларации прав человека и гражданина закреплялось, что «суверенитет зиждется в народе; он един, неделим, не погашается давностью и неотчуждаем» (п. 25). При этом в политико-правовом плане историческое движение шло от понимания народного волевого единства, формирующего власть (от народного суверенитета), к пониманию коллективного единства, всеобщей воли, переходящей в качество публичной субъектной власти. Выдвигается идея нации как единства всеобщности воли, переходящего в качество единства и всеобщности власти. Нация в общественном сознании воспринимается не просто как всеобщая (гражданская) воля, но еще и как самостоятельный субъект волевых отношений

⁸ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 167, 169, 170, 227.

⁹ Фарбер И.Е. Народный суверенитет в Советском государстве // 50 лет Советского союзного государства. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1973.

¹⁰ Щетинин Б.В. Проблемы теории советского государственного права. М.: Москва: Юрид. лит., 1969. С. 50.

⁶ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 317, 319.

⁷ A. Klafkowski. Prawo międzynarodowe publiczne. Warszawa: Państwowe wydawn. Naukowe, 1964. S. 37, 58.

— как суверен. Нация заявляет, нация декларирует, нация разрешает и запрещает и, наконец, нация как суверенная воля формирует высшую норму общественного существования, основной закон — Конституцию Республики. То есть нация становится высшим субъектом правотворчества, а ее суверенная воля — источником национального права. В Декларации прав человека и гражданина 1789 года провозглашалось, что «источник суверенитета зиждется, по существу, в нации. Никакая корпорация, ни один индивид не могут располагать властью, которая не исходит явно из этого источника» (п. 3). Ж.А.Н. Кондорсе предложил конвенту принять декларацию, провозглашающую положение о том, что «французская нация не будет нарушать природных прав других людей и не нанесет ущерба независимости других наций». Л.Н. Карно признает за «каждой нацией неизменное право жить отдельно или слиться с другими»; французы, по его мнению, «знают суверенов только в самих нациях и система их есть система братства»¹¹.

Таким образом, нация фактически рассматривается как высшая форма коллективного единства, которая проявляет себя в отношениях как суверенная воля. Несмотря на то что основой такого национального единства были классовые интересы, а движущей силой являлось третье сословие — «лучшие» граждане, «обладающие какой либо земельной собственностью»¹², сама по себе теоретическая конструкция национального суверенитета безусловно является универсальной именно в политико-правовом значении. «Первым последствием доктрины, выставленной французской революцией, — писал профессор В.П. Даневский, — был суверенитет (верховенство) наций; суверенная же нация есть индивидуум, личность которого столь же священна, как и индивидуальность человека»¹³.

Вместе с тем, если смысловое значение термина «нация» наделяется культурно-историческим содержанием и нация рассматривается как этническая общность, то меняется и сам контекст понимания национального суверенитета. В данном случае идея национального суверенитета связывается со способностью этнической общности к самостоятельному существованию и международной субъектности. Иными словами, «центр тяжести» проблематики переносится на решение ключевого вопроса о том, в каких политико-правовых формах представляется возможной реализация этнических интересов — жизненно необходимых, витальных потребностей

определенной этнической группы. Поскольку государство является политико-правовой формой субъектности в международных отношениях, то речь, прежде всего, ведется о соотношении этнической субъектности и государства, как способа ее существования [9]. В научно-теоретическом аспекте обсуждается вопрос о соотношении понятий «национальный суверенитет» и «государственный суверенитет». Политическую актуальность этот вопрос приобретает с возникновением национально-освободительных движений в Европе и американских колониях. Безусловно, он актуален для государств, под суверенитетом которых проживают народы, исторически связанные со своей территорией, так как территория — сущностный признак государства. Этот вопрос в теоретическом и практическом плане решается по-разному, ему посвящено большое количество научных изысканий, но он не составляет предметную область нашего исследования.

Заключение

Современные трактовки смыслового содержания термина «суверенитет» отходят от классических абсолютистских определений. Сегодня суверенитет часто рассматривается как явление, сходное по своей волевой природе с понятиями юридической дееспособности — полной, ограниченной или отраслевой. Как публичная дееспособность суверенитет проявляется в нормативных властных предписаниях. В этом плане суверенитет предстает как закон, выражающий высшую волю — единичную (монархическую), особенную (классовую) либо всеобщую (национальную). В свою очередь, основанное на законе всеобщее волевое единство представляет собой национальное единство — нацию. При этом для современного мироустройства всё актуальнее становится концепция не этнического и не сугубо политического, а формально содержательного понимания нации и национального суверенитета. Представляется, что сущность нации не может быть понятой ни исключительно в культурно-историческом плане [9], ни исключительно в плане политико-правовом [10]. Она состоит именно в том, что нация — это *высшая коллективная воля*. Эта сущность проявляется как в культурно-историческом содержании, так и в политико-правовой форме. Национальный суверенитет, соответственно, представляет собой высшую форму народного единства, переходящего в качество национальной субъектности. Через выражение всеобщей воли народ становится нацией, обретая эту свою субъектность в государстве. Институты публичной власти представляют национальные интересы (витальные потребности) нации, ее суверенную волю. Поэтому нация как высшая организованная суверенная воля устанавливает высшую норму своего социального существования — закон. Таким образом, национальный суверенитет выступает в качестве источника положительного права. Суверенная

¹¹ Цит. по: Даневский В.П. Система политического равновесия и легитимизма и начало национальности в их взаимной связи. (Историко-догмат. исслед.). Докт. дис. СПб., 1882. С. 261.

¹² Предварительная речь по проекту Конституции Французской Республики, произнесенная Буази Д'Англа от имени комиссии одиннадцати на заседании 5 мессидора III года // Сборник документов по истории нового времени. Буржуазные революции XVII—XVIII вв. М.: Высшая шк., 1990. С. 281.

¹³ Даневский В.П. Указ. соч. С. 261.

воля образует нормативную систему — национальное законодательство, которое как юридическая рациональная форма соотносится с тем, что принято называть формами общественного сознания: с обычаями, традициями, историческим опытом, сложившейся практикой нормативных отношений, национальной культурой в целом. Всё это формирует национальное правовое сознание и в упорядоченном единстве образует национальную систему права. В сравнении с другими национальными системами права она отличается особенностями и характерными чертами. При этом очевидно, что эти национальные правовые особенности детерминированы особенностями жизненного пространства, спецификой хозяйственной деятельности (национальной экономикой) и исторической памятью (опытом). У разных наций существует своё историческое восприятие права, складывается своё представление о нем и формируется соответствующее отношение к нему. Это отношение детерминировано традиционными исторически устойчивыми моральными принципами, пониманием хорошего и плохого, добра и зла, пониманием справедливости [11, 12]. Таким образом, национальный суверенитет и национальная система права находится в неразрывном отношении взаимообусловленности. Отношение между ними пред-

ставляет собой не только причинно-следственную или генетическую связь. Эти явления следует рассматривать и понимать в диалектическом единстве. При этом не может существовать национального суверенитета без национальной правовой системы со всеми ее уникальными особенностями, также как не может существовать национальная правовая система вне национального суверенитета. Исторический опыт международных отношений и противостояний, постоянных угроз суверенитету всецело демонстрирует истинность такого суждения [13]. Подчинение колониальным интересам народов часто означает не только подавление их суверенной воли во внешнем противодействии: подчинение становится возможным путём воздействия на национальную правовую систему, подменяя фундаментальные основы её существования, традиционные ценностные приоритеты и принципы правового регулирования. В этой связи важнейшей доктринальной задачей становится противодействие внешнему идеологическому воздействию на национальную правовую систему. Именно поэтому в качестве фундаментальных актуальных проблем сегодня рассматриваются вопросы о суверенной философии права [14] и суверенной правовой идеологии [15].

Литература

1. Данилюк С.Е. Место категории «источник права» в музее юридического позитивизма // Государство и право. 2021. № 5. С. 68—80.
2. Истоки и источники права: генезис и эволюция : монография / Под ред. Р.А. Ромашова. СПб. : Алетейя, 2022. 482 с.
3. Ломакина И.Б. Понимание первичных источников права: антрополого-правовой подход // Криминалист. 2020. № 4 (33). С. 37—42.
4. Зорина Н.В., Клименко О.А., Мирзоев А.К. Суверенитет как выражение свободы воли общества: концепция Марсилия Падуанского // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 4. С. 173—179.
5. Чернявский А.Г. Правовое значение идеи суверенитета для государства и права : монография. М. : Компания КноРус, 2020. 528 с.
6. Ковалев В.С. Государственный суверенитет в международном и интеграционном измерении // Актуальные проблемы международных отношений. 2021. № 1 (58). С. 14—25.
7. Корецкая Т.П. Проблемы взаимодействия народного, национального и государственного суверенитета в современном российском конституционализме // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2018. Т. 3. № 3. С. 23—30.
8. Докторова А.Т., Степанова А.А. Народ субъекта Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2023. № 1(217). С. 110—112.
9. Тишков В.А. Нация наций: о подходах к пониманию России. М. : ИЭА РАН, 2023. 69 с.
10. Вдовин А.И. Русская нация в XX веке (русское, советское, российское в этнополитической истории России). М. : РГ-Пресс. 2020. 712 с.
11. Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Философия права Ф.М. Достоевского и система нравственно-правовых ценностей народов России в XXI столетии // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 9. С. 168—181.
12. Бастрыкин А. И., Исмагилов Р. Ф., Сальников В. П. Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и её влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского) / Вступительное слово профессора А. Александрова, изд. 2-е, испр. и доп. Следственный комитет Российской Федерации. СПб. : Фонд «Университет», 2022. 456 с.
13. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства : монография / Под ред. В.П. Сальникова; Ананских И.А., Вихров А.А., Гутман М.Ю. и др. СПб. : Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, фонд «Университет», 2022. 490 с.
14. Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышления об основах русской суверенной философско-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 2. С. 183—194.
15. Жук А.С., Сальников В.П. Ценностный консенсус общества как основание суверенной правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 2. С. 163—170.

SOVEREIGNTY AS A SOURCE OF NATIONAL LAW

Pavel Ol'¹⁴

Keywords: *state, power, law, nation, people, national legal system.*

Abstract

Purpose of the work: identifying the essence of the phenomenon of sovereignty, forms of its manifestation and describing the specific features of the cause-and-effect relationship between sovereignty and the national legal system.

Methodological basis of the study: historical analysis, comparison of theoretical and legal concepts and formal legal sources of constitutional law.

Study findings: the essence of sovereignty is expounded as a transition from a certain quantity of private interests (multitude of individual wills) into the quality of a single public will whose manifestation of which is considered today by analogy with legal capacity. The paper states that such capacity conditioned by the public volitional unity manifests itself in regulative prescriptions of the authorities which reflects the internal manifestation of the essence of sovereignty. In this sense, sovereignty appears as a source of formation of the superior norm or as the law expressing a superior will: individual (of a monarch), special (of a class) or universal (national). In turn, the unified volitional unity based on the law represents a nation. Specific national cultural and historical features condition the uniqueness of legal consciousness and the system of formal legal sources. In this interrelation of phenomena, the paper expounds upon the cause-and-effect relationship between sovereignty and the national legal system which is the normative way of existence of sovereign authority.

Research novelty: the phenomenon of sovereignty is studied in the context of the question of the sources of law, whereas national sovereignty is viewed as a particular manifestation, as a form of sovereignty inextricably linked with the cultural and historical content. Due to this, national sovereignty is considered as a phenomenon that entails, with objective inevitability, the formation of a national legal system.

References

1. Daniliuk S.E. Mesto kategorii "istochnik prava" v muzee iuridicheskogo pozitivizma. Gosudarstvo i pravo, 2021, No. 5, pp. 68–80.
2. Istoki i istochniki prava: genезis i evoliutsiia : monografiia. Pod red. R.A. Romashova. SPb. : Aleteiia, 2022. 482 pp.
3. Lomakina I.B. Ponimanie pervichnykh istochnikov prava: antropologo-pravovoi podkhod. Kriminalist, 2020, No. 4 (33), pp. 37–42.
4. Zorina N.V., Klimenko O.A., Mirzoev A.K. Suverenitet kak vyrazhenie svobody voli obshchestva: kontseptsiiia Marsiliia Paduanskogo. Iuridicheskaiia nauka: istoriia i sovremennost', 2019, No. 4, pp. 173–179.
5. Cherniavskii A.G. Pravovoe znachenie idei suvereniteta dlia gosudarstva i prava : monografiia. M. : Kompaniia KnoRus, 2020. 528 pp.
6. Kovalev V.S. Gosudarstvennyi suverenitet v mezhdunarodnom i integratsionnom izmerenii. Aktual'nye problemy mezhdunarodnykh otnoshenii, 2021, No. 1 (58), pp. 14–25.
7. Koretskaia T.P. Problemy vzaimodeistviia narodnogo, natsional'nogo i gosudarstvennogo suvereniteta v sovremennom rossiiskom konstitutsionalizme. Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta, seriia: Pravo, 2018, t. 3, No. 3, pp. 23–30.
8. Doktorova A.T., Stepanova A.A. Narod sub'ekta Rossiiskoi Federatsii. Pravo i gosudarstvo: teoriia i praktika, 2023, No. 1(217), pp. 110–112.
9. Tishkov V.A. Natsiia natsii: o podkhodakh k ponimaniui Rossii. M. : IEA RAN, 2023. 69 pp.
10. Vdovin A.I. Russkaia natsiia v KhKh veke (russkoe, sovetskoe, rossiiskoe v etnopoliticheskoi istorii Rossii). M. : RG-Press, 2020. 712 pp.
11. Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Sa'nikov V.P. Filosofiia prava F.M. Dostoevskogo i sistema npravstvenno-pravovykh tsennostei narodov Rossii v XXI stoletii. Iuridicheskaiia nauka: istoriia i sovremennost', 2020, No. 9, pp. 168–181.
12. Bastrykin A. I., Ismagilov R. F., Sa'nikov V. P. Ideia Dobra v tvorchestve F.M. Dostoevskogo i ee vliianie na razvitie filosofii prava (k 200-letiiu F.M. Dostoevskogo). Vstupitel'noe slovo professora A. Aleksandrova, izd. 2-e, ispr. i dop. Sledstvennyi komitet Rossiiskoi Federatsii. SPb. : Fond "Universitet", 2022. 456 pp.
13. Politiko-pravovoe upravlenie i ugrozy suverenitetu gosudarstva : monografiia. Pod red. V.P. Sa'nikova; Ananskikh I.A., Vikhrov A.A., Gutman M.Iu. i dr. SPb. : Sankt-Peterburgskii voennyi ordena Zhukova institut voisk natsional'noi gvardii Rossiiskoi Federatsii, fond "Universitet", 2022. 490 pp.
14. Zakhartsev S.I., Sa'nikov V.P. Razmyshleniia ob osnovakh russkoi suverennoi filosofsko-pravovoi ideologii. Iuridicheskaiia nauka: istoriia i sovremennost', 2020, No. 2, pp. 183–194.
15. Zhuk A.S., Sa'nikov V.P. Tsennostnyi konsensus obshchestva kak osnovanie suverennoi pravovoi ideologii. Iuridicheskaiia nauka: istoriia i sovremennost', 2023, No. 2, pp. 163–170.

¹⁴ Pavel Ol', Dr.Sc. (Law), Associate Professor, Professor at the Department of Jurisprudence of the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russian Federation. E-mail: opspb@mail.ru